У23
396

У 23 — 396

Е. Шведеръ.

ПУШКИНСКІЕ УГОЛКИ.

Съ рисунками автора.

Изданіе журнала „ТРОПИНКА"

123—
396.

Е. Шведеръ.

ДАР
Коровкина П. П.

ПУШКИНСКІЕ УГОЛКИ

Съ рисунками автора.

Изданіе журнала „ТРОПИНКА“.

Изданія журнала „ТРОПИНКА".

Адресъ редакціи и конторы: СПБ. Вознесенскій, 36, кв. 26. Телефонъ 497—55.

Безобразова М. С. **„Исторія одного воробья".** Съ рисунками. Изданіе 3-е. Цѣна 25 к. *Одобрено* для ученическихъ библіотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для учен. библ. низшихъ учебн. заведеній и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи.*

Бѣляевская О. А. **„Капе́ль".** Стихотворенія. Цѣна въ обложкѣ 40 к., въ папкѣ 75 к. *Одобрено* для ученическихъ библіотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для учен. библ. низшихъ учебн. заведеній и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи.*

Кондурушкинъ И. С. **„Въ деревнѣ".** Разсказы и сказки. Съ рисунками. Цѣна 25 к.

Купринъ А. И. **„Слонъ".** Съ рисунками. Цѣна 25 к. (Все изданіе разошлось).

Кэрроль Льюисъ **„Приключенія Алисы въ странѣ чудесъ".** Любимая книга англійскихъ дѣтей. Переводъ Allegro. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ 1 р., въ папкѣ 1 руб. 25 коп.

Лондонъ Джэкъ. **„Букъ".** Исторія одной собаки. Переводъ Н. Манасеиной. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ 40 к., въ папкѣ 75 к. *Одобрено* для ученическихъ библіотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для ученическихъ библіотекъ низшихъ учебныхъ заведеній и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи. Допущено* въ ротныя библіотеки кадетскихъ корпусовъ для III—V классовъ.

Малахіева-Мировичъ В. Г. **„Золотой домъ".** Сборникъ разсказовъ. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ 75 к., въ папкѣ 1 р.

Одобрено для ученическихъ библіотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для ученическихъ библіотекъ низшихъ учебныхъ заведеній и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Императрицы Маріи.*

Манасеина Н. п. **„Разсказы для дѣтей".** Со многими рисунками. Изданіе 2-е. Цѣна въ папкѣ 1 р. 50 к. *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія признано подлежащимъ внесенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія* при пополненіи ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Одобрено для ученическихъ библіотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для ученическихъ библіотекъ низшихъ учебныхъ заведеній и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи.*

Манасеина Н. И. **„На Рождествѣ".** Три разсказа. Съ рисунками. Изданіе 2-ое. Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ папкѣ 80 к.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущено въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и *признана заслуживающей вниманія* при пополненіи безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

Одобрено для ученическихъ библіотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для ученическихъ библіотекъ низшихъ учебныхъ заведеній и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи.*

Допущено въ ротныя библіотеки кадетскихъ корпусовъ для I и II классовъ.

Манасеина Н. И. **„Мамино дѣтство".** Разсказъ изъ институтской жизни. Съ отдѣльными рисунками на мѣловой бумагѣ. Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ папкѣ 80 к.

Поливановъ В. П. **„Воронъ.—Индѣйцы".** Съ рисунками. Цѣна 25 к.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущено въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

34362.63

Государ. публичная Историческая

Семену Афанасьевичу

Венгерову

Съ глубокою признательностью

посвящаю эту книжку.

Содержаніе.

Стр.

Вмѣсто предисловія 5

Тригорское 6

Въ дорогѣ 7

На могилѣ А. С. Пушкина 11

За монастырской оградой 14

Въ Пушкинской читальнѣ 16

По дорогѣ въ Михайловское 17

Въ Михайловскомъ 19

Домикъ А. С. Пушкина 21

Въ Богомолахъ 22

Современникъ А. С. Пушкина 24

По пути въ Вороничи 26

Современница А. С. Пушкина 28

Домой 30

Вмѣсто предисловія.

Маленькимъ еще мальчикомъ, едва научившись читать по складамъ, я нерѣдко цѣлыми часами просиживалъ за попавшеюся мнѣ случайно въ руки истрепанною книжкою стиховъ Александра Сергѣевича Пушкина. Я читалъ ихъ съ увлеченіемъ, многаго не понимая, многое толкуя по своему, дополняя нерѣдко прочитанное своею дѣтскою фантазіею. Съ одинаковымъ увлеченіемъ читалъ и „Полтаву“, и „Мѣднаго всадника“, и „Скупого рыцаря“. И старая истрепанная книга была для меня милѣе всѣхъ остальныхъ, подаренныхъ мнѣ книжекъ въ пестрыхъ переплетахъ съ раскрашенными картинками. Я любилъ „своего Пушкина“, любилъ теплою, безсознательною любовью. Потомъ, когда я подросъ, когда сталъ сознательнѣе и больше читать, когда познакомился съ біографіею великаго поэта, эта любовь ширилась, крѣпла, росла. И какъ я обрадовался, когда мнѣ лѣтомъ въ 1907 году представилась возможность побывать въ тѣхъ уголкахъ, гдѣ провелъ нѣсколько лѣтъ Александръ Сергѣевичъ, побывать въ Михайловскомъ, Тригорскомъ, въ Святогорскомъ монастырѣ на могилѣ поэта. Сборы были не долги. Ящикъ съ красками, маленькій чемоданчикъ со смѣною бѣлья,—и я былъ готовъ въ дорогу.

Въ дорогѣ.

БЫЛЪ іюнь, теплый, солнечный, ласковый. По голубому небу плыли пушистыя облачка-барашки, и весело, привольно было дышать на просторѣ полей. Изъ Острова, уѣзднаго городка Псковской губерніи, до Святыхъ Горъ приходилось ѣхать лошадьми—тѣмъ способомъ, какимъ ѣзжали когда-то наши дѣды. И все казалось интереснымъ и занимательнымъ: и почтовыя станціи со станціонными смотрителями, и перепряжка лошадей, и ямщики, и самая ѣзда.

Заливаются звонкіе жаворонки въ синевѣ неба, высоко—не видно ихъ глазомъ, мелькаютъ поля, нивы, и легкимъ облачкомъ тянется за телѣжкой полоса пыли.

— Но-о-о, милыя,—покрикиваетъ ямщикъ.

Звенитъ колокольчикъ. Бѣлые гуси вытянули голову, загоготали что-то по-своему и снова успокоились. Незамѣтно отмахали мы еще 18 верстъ и подкатили ко второй почтовой станціи. Это Новгородка. Здѣсь уже приходится свернуть съ гладкаго, какъ скатерть, шоссе и до Святыхъ Горъ ѣхать неровною, размытою весенними дождями, дорогою. Это еще больше напоминаетъ старину, и думается, что точно такъ же по этой дорогѣ ѣздилъ когда-то и Александръ Сергѣевичъ.

Старинный барскій домъ въ Тригорскомъ.

Тригорское.

Изъ-за моря волнующейся ржи мелькнули сѣрыя крыши строеній.

— Тригорское!

Возница свернулъ съ „большака“, и мы покатили по ухабистой, неровной дорожкѣ.

Село Тригорское, расположенное въ пяти верстахъ отъ Святыхъ Горъ и въ двухъ отъ Михайловскаго, тѣсно связано съ воспоминаніями объ Александрѣ Сергѣевичѣ Пушкинѣ.

Томясь одиночествомъ въ своемъ Михайловскомъ, поэтъ находилъ здѣсь радушный пріемъ и веселыхъ собесѣдницъ въ лицѣ тогдашней владѣлицы Тригорскаго — Прасковьи Александровны Осиповой и ея дочерей. Здѣсь, засиживаясь нерѣдко до глубокой ночи, читалъ Александръ Сергѣевичъ свои новыя произведенія. Здѣсь же были набросаны имъ и нѣкоторыя изъ его безсмертныхъ стихотвореній. Обширная библіотека Тригорскаго являлась для Пушкина благодѣтель-

нымъ сокровищемъ, а милое общество собесѣдницъ разгоняло одолѣвавшія нерѣдко поэта мрачныя думы.

Старинный барскій домъ, потемнѣвшій отъ времени и непогодъ, въ архитектурномъ отношеніи сохранился въ томъ же видѣ, какимъ онъ былъ и въ дни, когда подъ его гостепріимную кровлю заглядывалъ Александръ Сергѣевичъ. Это длинное зданіе съ фундаментомъ изъ дикаго камня, съ верандою на задней сторонѣ. Теперь Тригорское перешло уже въ другія руки, и въ старинномъ домѣ живетъ семья нынѣшняго его арендатора.

Обогнувъ широкій, расположенный возлѣ самаго дома прудъ, я пробрался въ паркъ.

Дивно хорошо было въ этомъ зеленомъ царствѣ. Старинныя, воспѣтыя поэтомъ липы, гигантскія ели, бѣлоствольныя березы,—все это разрослось, раскинулось привольно на просторѣ. Опьяняюще пахнетъ сочною зеленью, отцвѣтающею сиренью. Я пробираюсь по запущеннымъ дорожкамъ. Выхожу къ обрыву: какой чудный видъ. Серебристою лентою прихотливо вьется рѣка Сороть, протекающая мимо Тригорскаго и Михайловскаго, дальше зеленѣютъ луга, синѣетъ даль. Надъ обрывомъ груда неприбраннаго мусора и кирпичей: это остатки бани, знаменитой бани, въ которой нерѣдко ночевалъ Александръ Сергѣевичъ съ другомъ своимъ поэтомъ Вяземскимъ.

Грустною, торжественною поэзіею вѣетъ отъ стараго парка...

Чувство благоговѣнія закрадывается въ душу при мысли, что здѣсь, подъ тѣнью этихъ деревьевъ, столько разъ прогуливался великій поэтъ. Вотъ исполинская ель, липовая аллея, странно искривленная береза, на изгибѣ которой любилъ сиживать Пушкинъ—все это „Пушкинскіе ветераны“, современники поэта.

Пушкинъ любилъ Тригорское, любилъ этотъ тѣнистый паркъ, которому посвятилъ на прощанье нѣсколько задушевныхъ строкъ:

Быть можетъ (сладкое мечтанье),
Я къ вашимъ возвращусь полямъ,
Приду подъ липовые своды,
На скатъ Тригорскаго холма...

Медленно, незамѣтно крадутся длинныя, вечернія тѣни. Въ кустахъ сирени щелкнулъ соловей. Не хочется уходить, но медлить нельзя—пора ѣхать. Давно уже позвякиваетъ колокольчикъ, и возница, привставъ на козлахъ, нетерпѣливо поглядываетъ въ сторону парка. Путаясь въ густой, душистой травѣ, выбираюсь я снова на дорожку къ пруду и направляюсь къ поджидающей меня телѣжкѣ.

— Налюбовались нашимъ паркомъ?—полюбопытствовалъ бесѣдовавшій съ ямщикомъ мужичекъ.

— Налюбовался—славный паркъ.

— Еще бы, старинный, такихъ парковъ теперь, пожалуй, и не разводятъ,—не безъ гордости замѣтилъ собесѣдникъ.

Ямщикъ тряхнулъ возжами, зазвенѣлъ колокольчикъ, и телѣжка снова запрыгала по колеямъ узкой, извивающейся дорожки.

Въ Святыхъ Горахъ.

Набѣжала тучка, заслонила солнце, кругомъ все потускнѣло, нахмурилось.

— Дождь никакъ собирается,—проговорилъ ямщикъ, подгоняя лошадей,—ну, да ничего, сейчасъ пріѣдемъ.

Но туча такъ и промелькнула мимо, и когда мы подъѣзжали къ Святымъ Горамъ, снова ласково сіяло клонящееся къ закату солнышко.

Маленькіе сѣрые домики сгрудились вдоль широкой немо-

щеной улицы. У въѣзда высится какая-то странная арка со слѣдами голубой краски.

— Что это такое?

— А это когда Пушкинскій праздникъ справляли, такъ съ тѣхъ поръ и осталось,—поясняетъ ямщикъ.

„Пушкинскій праздникъ“—столѣтіе со дня рожденія поэта справлялся 26 Мая 1899 года.

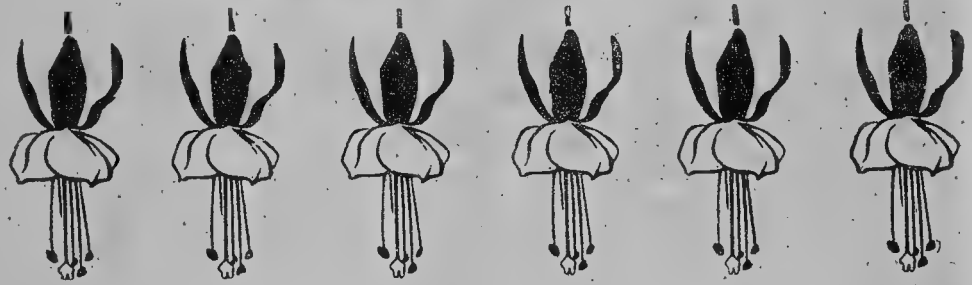
Мы остановились у одного изъ сѣрыхъ домиковъ, у дверей котораго красовалась небольшая вывѣска съ надписью: „чайная“.

— Здѣсь и чайку вамъ можно будетъ напиться, и переночевать—пояснилъ ямщикъ.

Въ маленькихъ комнаткахъ „чайной“ было на диво опрятно. На окнахъ бѣлѣли кисейныя занавѣси, стояло много цвѣтовъ. Хозяйка, привѣтливая, хлопотливая старушка, засуетилась съ самоваромъ.

— Много, много пріѣзжаетъ къ намъ господъ на могилку Александра Сергѣевича,—разсказываетъ старушка, разставляя на столѣ чайную посуду,—а что въ „Пушкинскіе“-то дни здѣсь дѣлалось, и разсказывать трудно... Столько народу перебывало, что и сосчитать невозможно.

Пожалуйте-ка умыться съ дороги, да чайку откушать,—привѣтливо пригласила она,—водицы я вамъ сейчасъ солью холодненькой, ключевой.....



Ограда Святогорскаго монастыря.

На могилѣ А. С. Пушкина.

Наскоро освѣжившись холодною водою, напившись чаю, я захватилъ рисовальный ящикъ и направился къ Святогорскому монастырю, въ оградѣ котораго покоится прахъ Александра Сергѣевича Пушкина.

Вечерѣло. Солнце медленно спускалось къ синѣющему вдали лѣсу, и небо было подернуто нѣжнымъ, розовымъ отблескомъ заката. Посреди широкой, немощеной улицы кучка бѣлоголовыхъ ребятишекъ мирно копалась въ пескѣ: тутъ же рядомъ, въ невысохшей лужицѣ, плескался выводокъ утятъ

подъ надзоромъ дѣловито покрякивающей старой утки. У монастырской ограды, о чемъ-то глубоко задумавшись, стоялъ молодой монашекъ.

— Скажите, пожалуйста, гдѣ могила Александра Сергѣевича Пушкина?—спросилъ я.

— А вотъ, поднимитесь наверхъ, и тутъ же сейчасъ бѣлый памятникъ будетъ, это и есть его могила,—любезно отозвался монашекъ.

Я поднимаюсь по каменнымъ ступенькамъ и останавливаюсь. Вотъ на темномъ зелени густо разросшихся деревьевъ, отчетливо вырисовывается скромный мраморный памятникъ, обнесенный чугунной рѣшеткой, — это могила Александра Сергѣевича Пушкина. Съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія, съ обнаженной головой, приближаюсь я къ этому священному мѣсту. Кругомъ тишина. Послѣдніе лучи заходящаго солнца скользятъ по листвѣ деревьевъ и золотистыми пятнами дрожатъ на бѣлой монастырской стѣнѣ. Я опускаюсь на одинъ изъ камней и открываю свой ящикъ: хочется зарисовать этотъ священный уголокъ.

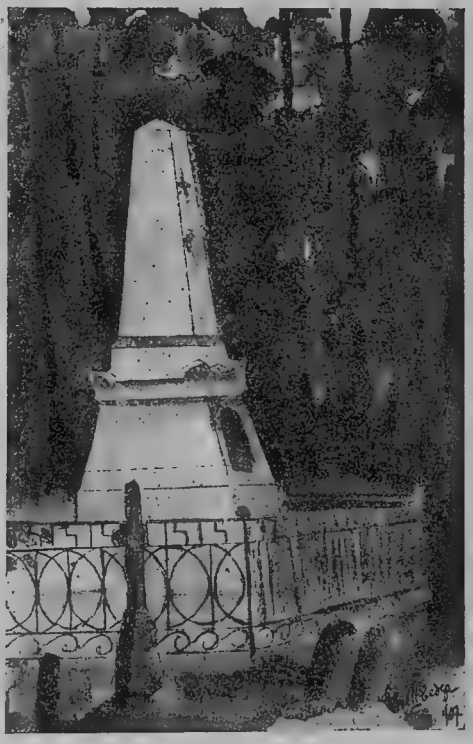
Быстро работаетъ карандашъ, а мысли въ то же время переносятся далеко, за много лѣтъ назадъ, къ тому времени, когда не было еще этой могилы, когда здѣсь, по этому тихому кладбищу бродилъ самъ Александръ Сергѣевичъ. А заглядывалъ онъ сюда нерѣдко, и память объ этихъ посѣщеніяхъ сохранилась въ его стихахъ:

. . . . . Но какъ же любо мнѣ
Осеннею порой, въ вечерней тишинѣ,
Въ деревнѣ посѣщать кладбище родовое....

Давно это было. Давно умеръ Пушкинъ, но память о немъ сохранилась и сохранится навсегда. Онъ и самъ предугадалъ это, говоря

Нѣтъ, весь я не умру. Душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ,
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ піитъ....

Много лѣтъ тому назадъ, въ 1837 году, въ холодный февральскій вечеръ, одинокій, въ сопровожденіи только А. И. Тургенева и полицейскаго офицера, прибылъ прахъ поэта сюда для вѣчнаго упокоенія. Грустныя, скромныя были похороны. Но сбылись слова поэта — его не забыли: съ каждымъ годомъ на поклоненіе его могилѣ стекается съ разныхъ концовъ Россіи, все больше и больше паломниковъ, и имя Александра Сергѣевича Пушкина извѣстно каждому грамотному человѣку. Сбылось и желаньс поэта — найти вѣчное упокоеніе вблизи родныхъ мѣстъ:



И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать,
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ все бъ хотѣлось почивать....

Здѣсь все родное, все знакомое поэту. Вотъ внизу, у монастырской ограды, мимо старой, потемнѣвшей отъ времени часовенки, вьется, исчезая за холмами, дорога въ Михайловское, гдѣ томясь одиночествомъ и создавая лучшія свои произведенія, долго жилъ Александръ Сергѣевичъ. Сколько разъ

проходилъ онъ по этой дорогѣ, навѣщая тихое кладбище, появляясь на святогорской ярмаркѣ, бродя среди любимаго имъ простого народа, прислушиваясь къ пѣнью нищихъ—„старцевъ,“ къ крестьянскимъ шуткамъ - прибауткамъ, изучая живую образную русскую рѣчь.

Умеръ великій поэтъ,—но память о немъ не умретъ никогда.

За монастырской оградой.

Солнце скрылось. Надъ землей нависли прозрачныя, лѣтнія сумерки. Стая галокъ шумно галдѣла, устраиваясь на ночлегъ въ листвѣ деревьевъ. Откуда-то издалека доносилась замирающая въ вечернемъ сумракѣ пѣсня.

Нехотя поднялся я съ камня, уложилъ законченный рисунокъ и, отвѣсивъ глубокій земной поклонъ дорогой могилѣ, медленно вышелъ за монастырскую ограду.

Угомонились галки, смолкла пѣсня, и тишина безмятежнаго, глубокаго покоя залегла надъ землею. И не хотѣлось нарушать эту тишину. Я присѣлъ у края дороги, развернулъ альбомъ и сталъ зарисовывать монастырскую стѣну, разросшіяся за нею купы деревьевъ, заслонившія собою бѣлый памятникъ на могилѣ поэта.

— Ахъ, баринъ, никакъ нашими мѣстами любоваться пріѣхалъ?—послышался за спиною у меня чей-то голосъ. Два мужичка въ теплыхъ, несмотря на лѣтнюю пору, шапченкахъ, въ вылинявшихъ рубахахъ съ любопытствомъ наклонились надъ альбомомъ.

— И вотъ, сколько я знаю, все господа сюда ради Пушкинской могилы пріѣзжаютъ,—проговорилъ одинъ изъ нихъ.

— А ты развѣ слышалъ про Пушкина?

— Во-о, какъ не слышать! Тутъ у насъ даже такіе есть, что и самого его знали хорошо...

— Ну?

— А какъ же. Вотъ Иванъ Павловъ, что въ деревнѣ Богомолахъ, потомъ поповна Акулина Ларивоновна, что въ Вороничахъ—они-то хорошо помнятъ, не разъ сами сказывали.

— А далеко они отсюда?

— Да не такъ чтобы далеко, всего верстъ нѣсколько.

— А я такъ и самый гробъ его видѣлъ, — неожиданно заявилъ третій, случайно присоединившійся къ намъ собесѣдникъ.

— Ну да,—скажешь.

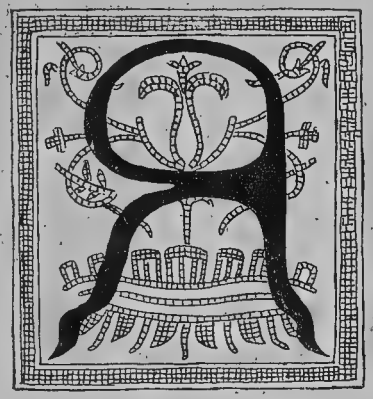
— И вѣрно... Вотъ какъ перекладывали монастырскую ограду, такъ ящикъ и виденъ былъ, и господа, которые тутъ были, каждый норовилъ, кто щепочку, кто что себѣ взять.

Получивъ малую толику мѣдяковъ „на чай“, мужички разошлись, повидимому, очень довольные.

— А Ивана Павлова и Акулину Ларивоновну ты, баринъ, и вправду повидай: безпремѣнно они разскажутъ все досконально, потому что Иванъ Павловъ и купаться съ нимъ не разъ хаживалъ, да и такъ бесѣдовалъ,—крикнулъ одинъ изъ нихъ уже на поворотѣ дороги.

— Непремѣнно повидаю,—отозвался я.

Въ Пушкинской читальнѣ.



рѣшилъ не откладывая, завтра же побывать въ Михайловскомъ, заѣхать оттуда къ Ивану Павлову и къ Акулинѣ Ларіоновнѣ, побесѣдовать съ ними и пораспросить про Александра Сергѣевича.

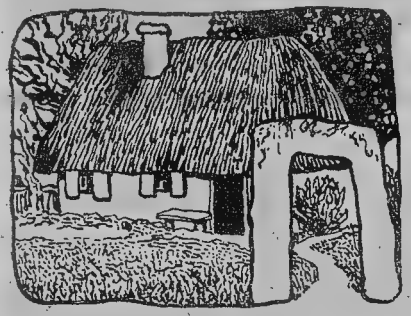
По дорогѣ къ почтовой станціи, гдѣ я надѣялся достать лошадей для завтрашней поѣздки, я зашелъ въ маленькій, уютный домикъ-библіотеку и читальню имени поэта. Здѣсь были образцовая чистота и порядокъ. Рядами стояли въ шкафахъ книги, висѣли портреты поэта, снимки съ „Пушкинскихъ уголковъ.“ Несмотря на сравнительно поздній часъ, было еще довольно свѣтло, и я, пользуясь любезностью завѣдывающей читальнею барышни, долго разсматривалъ альбомы со снимками окрестностей Михайловскаго, Тригорскаго, Святыхъ Горъ, книги подаренныя авторами библіотекѣ, съ ихъ надписями и автографами, маленькую, сверкающую чистотой, комнатку, въ которой собраны возлагаемые на могилу поэта вѣнки. Среди нихъ есть нѣсколько—цѣнной художественной работы.

Изъ читальни я направился къ почтовой станціи, но достать лошадей до Михайловскаго оказалось не такъ легко. Послѣ долгихъ поисковъ только нашелся мужичекъ Алексѣй, который согласился поѣхать со мною.

Условившись съ нимъ о часѣ отъѣзда, я долго еще бродилъ въ тишинѣ прозрачныхъ лѣтнихъ сумерекъ, напоенныхъ

запахомъ отцвѣтающей сирени, сочной зелени и скошенной травы, и только нежеланіе безпокоить хозяевъ позднимъ возвращеніемъ заставило меня возвратиться подъ кровъ гостепріимной „чайной.“ Тамъ меня уже ждалъ самоваръ, и я, напившись чаю, съ удовольствіемъ растянулся на широкомъ старинномъ диванѣ.

По дорогѣ въ Михайловское.



ПРОСНУЛСЯ я рано, съ солнышкомъ, которое яркими лучами привѣтливо заглядывало въ окна моей комнатки. Старушка хозяйка уже встала и хлопотливо возилась у печки.

— Мы привыкли лѣтомъ съ солнышкомъ подниматься, — пояснила она, привѣтливо здороваясь со мною. —Какъ солнышко, такъ и мы. Да и грѣхъ спать въ такое утро-то.

А утро, въ самомъ дѣлѣ, было дивное: тихое, погожее, солнечное. Ночью прошелъ дождикъ, и теперь все блестѣло и искрилось, точно чисто на чисто вымытое и покрытое лакомъ. Легко дышалось прохладнымъ еще, утреннимъ воздухомъ.

Я напился чаю, сложилъ свой немудреный багажъ и вышелъ на крылечко, съ нетерпѣніемъ поджидая Алексѣя. А онъ, несмотря на то, что условленный часъ давно прошелъ, все не ѣхалъ. Чѣмъ выше поднималось солнышко, тѣмъ

больше росло мое волненіе, и я даже сталъ подумывать уже, не раздумалъ ли, чего добраго, мой возница, а потерять сегодняшнее утро вовсе не хотѣлось.

Но вотъ, застучала телѣга, и изъ-за поворота выѣхалъ Алексѣй.

— Запоздалъ маленько, лошадь перепрягалъ,—оправдывался онъ, помогая мнѣ взобраться на гору свѣжей, душистой травы, замѣнявшей сидѣнье.

Я распрощался съ привѣтливой старушкой хозяйкой, и лошади тронули.

Обогнули монастырскую ограду. Изъ-за зелени деревьевъ мелькнулъ бѣлый мраморъ памятника. Я снялъ шляпу.

— Но-о-о, милыя!—подстегнулъ Алексѣй лошадокъ, и телѣга бойко покатилась по непросохшей еще отъ дождя дорогѣ въ Михайловское.

Дорога въ Михайловское.

Въ Михайловскомъ.

ОТЪ и Михайловское.

Мы въѣзжаемъ на широкую аллею изъ старинныхъ, раскидистыхъ елей, нахмуренныхъ, словно посѣдѣвшихъ отъ времени и непогоды. Эти ели росли и въ дни Александра Сергѣевича,—онѣ помнятъ великаго поэта.

Въ Михайловскомъ Александръ Сергѣевичъ прожилъ нѣсколько лѣтъ въ одиночествѣ, въ обществѣ своей горячо любимой старушки няни Арины Родіоновны. Много долгихъ зимнихъ и осеннихъ вечеровъ скороталъ онъ здѣсь. Много передумалъ, много написалъ дивныхъ, безсмертныхъ стиховъ.

Несмотря на тоскливое одиночество, поэтъ любилъ свое Михайловское, любилъ его окрестности, рощи, и эта любовь сказывается въ его теплыхъ, задушевныхъ строкахъ:

.... Въ разные годы
Подъ вашу сѣнь, Михайловскія рощи,
Являлся я. Когда вы въ первый разъ
Увидѣли меня, тогда я былъ
Веселымъ юношей. Безпечно, жадно
Я приступалъ лишь къ жизни. Годы
Промчались...—и вы во мнѣ пріяли
Усталаго прищельца.

Старый барскій домъ перестроенъ. (домъ этотъ сгорѣлъ 23 іюля 1908 года), и отъ временъ Александра Сергѣевича сохранилось немного: маленькій деревянный домикъ, нѣсколько старинныхъ деревьевъ, вотъ почти и все. Заглохъ фруктовый

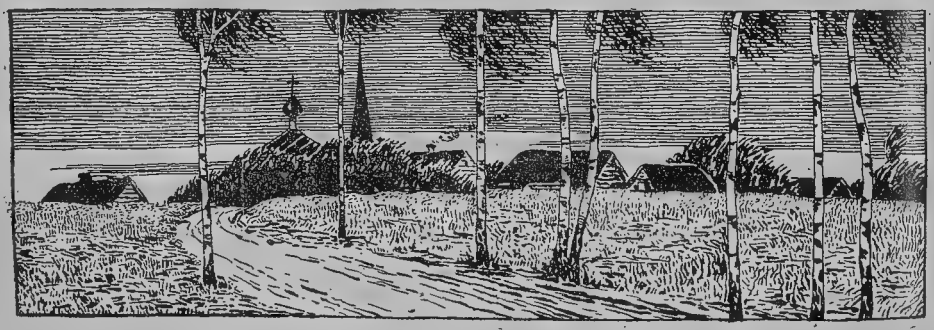
*

садъ, тѣнистыя липовыя аллеи, засыпанъ прудъ. За то, какъ и нѣкогда, сверкаетъ гладь озера, и попрежнему извивается по зелени луговъ рѣчка Сороть. И какой дивный видъ открывается съ площадки барскаго дома на окрестности. Смотришь—и снова невольно вспоминаются стихи Александра Сергѣевича:

.... Вотъ холмъ лѣсистый, надъ которымъ часто
Я сиживалъ недвижимъ и глядѣлъ
На озеро, воспоминая съ грустью
Иные берега, иныя волны....
Межъ нивъ златыхъ и пажитей зеленыхъ
Оно, синѣя, стелется широко;
Черезъ его невѣдомыя воды
Плыветъ рыбакъ и тянетъ за собой
Убогій неводъ. По берегамъ отлогимъ
Разсѣяны деревни; тамъ за ними
Скривилась мельница, насилу крылья
Ворочая при вѣтрѣ....

Всматриваешься въ растилающуюся передъ глазами картину, и кажется она давнымъ-давно знакомою со словъ поэта. Нѣтъ вотъ только искривившейся мельницы, рухнувшей, вѣроятно, подъ напоромъ бурь и непогодъ.

Сирень тѣсною стѣною разрослась по склону къ рѣкѣ, жужжатъ надъ нею хлопотливыя пчелы, рѣютъ въ лазури неба ласточки. Тихо, невозмутимо тихо кругомъ. И не хочется уходить изъ этого чуднаго уголка.



Домикъ А. С. Пушкина. Рисунокъ съ натуры Е. Шведера.

Домикъ А. С. Пушкина.

Въ густой чащѣ привольно разросшейся сирени, о-бокъ большого барскаго дома пріютился маленькій деревянный домикъ. Не отличается онъ ни своей внѣшностью, ни красотою архитектуры, но, тѣмъ не менѣе, онъ свято оберегается: скромный домикъ—одинъ изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ современниковъ великаго поэта.

— Старой стройки домикъ,—разсказываетъ мужичекъ-садовникъ,—весь онъ, какъ есть, по-старинному, топоромъ рубленъ.

Комнатки маленькія, свѣтлыя, уютныя. Быть можетъ, въ

этихъ комнаткахъ, когда въ большомъ домѣ было непривѣтливо-угрюмо, короталъ Александръ Сергѣевичъ со своею любимою нянею Ариною Родіоновною долгіе зимніе вечера. Помните:

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя:
То, какъ звѣрь, она завоетъ,
То заплачетъ, какъ дитя,
То по кровлѣ обветшалой
Вдругъ соломой зашумитъ,
То, какъ путникъ запоздалый,
Къ намъ въ окошко застучитъ.

Наша ветхая лачужка
И печальна, и темна.
Что же ты, моя старушка,
Пріумолка у окна?
Или бури завываньемъ
Ты, мой другъ, утомлена,
Или дремлешь подъ жужжанье
Своего веретена....

Маленькій домикъ выкрашенъ и отдѣланъ заново, и конечно видъ его нѣсколько измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ въ стѣнахъ его жилъ Александръ Сергѣевичъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ дорогъ намъ и въ современномъ своемъ видѣ, какъ дорого все то, что связано съ именемъ Пушкина.

Въ Богомолахъ.

Съ грустью покидалъ я Михайловское. Что-то тихое, свѣтлое было въ этомъ уголкѣ...

— Теперь въ „Богомолы“, значитъ, къ Ивану Павлову поѣдемъ?— обернулся ко мнѣ Алексѣй, когда мы снова проѣхали мимо аллеи изъ старинныхъ елей.

— Въ Богомолы,— отозвался я, умащиваясь поудобнѣе на сидѣньѣ.

Мнѣ очень хотѣлось побесѣдовать съ Иваномъ Павловымъ, поразспросить про Александра Сергѣевича, котораго онъ зналъ,

и о которомъ у него навѣрное сохранились свѣтлыя воспоминанія. Жилъ Александръ Сергѣевичъ въ тяжелую пору крѣпостного права, когда крестьяне находились въ полной зависимости отъ своихъ помѣщиковъ, когда цѣлыя крестьянскія семьи продавались за деньги однимъ помѣщикомъ другому, какъ теперь продаются лошади и овцы, и когда съ крестьянами привыкли обращаться властно и повелительно, строго соблюдая различіе между „господами“ и „мужиками“. Однако, несмотря на это, Александръ Сергѣевичъ совершенно иначе, относился къ крестьянамъ: просто, тепло и радушно. Не гнушался ихъ обществомъ, а такое отношеніе считалось тогда рѣдкостью. Зато и любили крестьяне добраго, „Михайловскаго барина“, какъ они называли Александра Сергѣевича, не подозрѣвая въ немъ мірового генія, а видя лишь простого, „душевнаго“ человѣка.

Узкая дорожка колеситъ среди волнующагося моря ржи. Припекаетъ солнышко, и рой надоѣдливыхъ слѣпней вьется надъ лошадьми. На косогорѣ сѣрѣетъ деревушка.

— Это Богомолы?

— Нѣтъ, Богомолы подалѣ будутъ, а это Клопы.

— Клопы?—недоумѣвающе переспросилъ я.

— Ну да, Клопы. Названье такое,—спокойно поясняетъ Алексѣй, смахивая кнутомъ присосавшагося къ лошадиной спинѣ слѣпня.

— Не знаю, какъ теперь,—продолжаетъ онъ,—а прежде къ Ивану Павлову боязно было и въ избу войти.

— Отчего?

— Да такъ, больно ужъ изба у него плохая, того и гляди развалится.

Но-о-о, милыя,—подбодряетъ Алексѣй лошадокъ,—пошевеливайте веселѣе.

Современникъ А. С. Пушкина.

ЕРЕВУШКА Богомолы маленькая, невзрачная, всего пять-шесть покосившихся кривобокихъ избушекъ. По срединѣ улицы, на солнечномъ пригрѣвѣ, копаются въ пескѣ куры, мохнатыми клубками лежатъ собаки. При нашемъ въѣздѣ мирное настроеніе разомъ исчезаетъ: куры съ громкимъ кудахтаньемъ разбѣгаются въ разныя стороны, собаки заливаются громкимъ лаемъ.

— Ну, вотъ и Ивана Павлова изба,—говоритъ Алексѣй, останавливаясь у одной изъ избушекъ и норовя задѣть кнутомъ одну изъ наиболѣе надоѣдливыхъ собакъ.

Я вылѣзаю изъ телѣги, поднимаюсь по шаткимъ ступенькамъ и вхожу въ избу. Въ избѣ жарко, дымно и трудно сразу что-нибудь разобрать.

— Ахъ, касатикъ мой, плохо у насъ тутъ, охъ, нехорошо,—заохала какая-то старушка съ ухватомъ въ рукѣ, копошившаяся у печки.—Кого тебѣ, родной мой, надо?

— Иванъ Павловъ дома?

— Дома, дома, гдѣ жъ ему больше быть... Выдь-ка, выдь скорѣе,—засуетилась она, окликая кого-то изъ темнаго угла,

—эвона, накинь-ка зипунъ, да выйди лучше изъ избы на солнышко...

— Здравствуйте, баринъ,—послышался старческій голосъ, —и впрямь пожалуйте-ка лучше на солнышко.

Иванъ Павловъ, довольно еще бодрый старикъ съ гривою сѣдовато-желтыхъ волосъ, съ дѣтски-ясными голубыми глазами, сохранившій почти всѣ зубы и свѣтлую память.

Сколько видѣлъ онъ за свой долгій вѣкъ и сколько интереснаго могъ бы поразсказать.

Мы усѣлись на деревянныхъ обрубкахъ у крыльца на самомъ пригрѣвѣ.

— Скажи-ка, дѣдушка, говорятъ, ты зналъ Александра Сергѣевича Пушкина?

— Какъ не знать,—отозвался старикъ, глядя на меня своими ясными глазами.—Зналъ.... Всѣ мы его тутъ въ ту пору знали.

— Разскажи мнѣ, сдѣлай милость, что-нибудь про него.

— А что же разсказать-то? Добрый онъ былъ баринъ, царство ему небесное, простой да душевный,—такихъ господъ помяни Господи, всѣ къ нему шли, и никогда ни въ чемъ онъ не отказывалъ, всѣ его знали и всѣ любили. Самъ онъ крестьянъ не гнушался, любилъ простой народъ, пѣсни наши крестьянскія да сказки любилъ слушать. Бывало, придетъ на ярмарку, гдѣ народу больше собирается, одѣтый и самъ почти что по-крестьянски. Прислушивается къ разговорамъ, дѣвушекъ гостинцами угощаетъ, а то другой разъ подсядетъ къ старцамъ (нищихъ въ ту пору называли старцами) и станетъ имъ подтягивать. Они поютъ „Лазаря“, или такъ что-либо божественное, и Александръ Сергѣевичъ съ ними. Ребятишки лѣтомъ земляники насбираютъ, принесутъ въ Михайловское, а Александръ Сергѣевичъ заплатитъ деньги, да и ягоды имъ

обратно отдастъ. „Кушайте,—говоритъ, дѣти, деньги все равно, вѣдь, заплочены.“

Другіе помѣщики пиры да охоты устраивали, а Александръ Сергѣевичъ компаніи съ ними не водилъ, а все больше съ крестьянами вѣдался, за то мы всѣ его здѣсь отъ мала до велика знали, любили и почитали....

Старикъ умолкъ и задумался.

— Да, прежнее-то времячко минуло.... Минуло навсегда.... Вотъ я только одинъ и остался.... Доживаю свои деньки...

Старикъ видимо усталъ. Онъ, несмотря на іюньскую жару, поеживался и кутался въ зипунъ.

— Ну, прощай, дѣдушка, будь здоровъ,—попрощался я со старикомъ.

— Прощай, баринъ, прощай,—отозвался старикъ, провожая меня до телѣги.

Снова всполохнулись успокоившіяся было куры, залаяли собаки, и мы покатили по узенькой, извилистой дорожкѣ.

По пути въ Вороничи.

Въ Вороничи, гдѣ живетъ Акулина Ларіоновна, находящіеся бокъ-о-бокъ съ Тригорскимъ, мы проѣзжали тою же дорогой, которая ведетъ изъ Михайловскаго въ Тригорское. Отъ Михайловскаго до Тригорскаго всего двѣ версты. И сколько разъ проходилъ и проѣзжалъ по этой дорогѣ Александръ Сергѣевичъ.

Снова невольно вспоминаются знакомыя съ дѣтства строки:

На границѣ
Владѣній дѣдовскихъ, на мѣстѣ томъ,
Гдѣ въ гору поднимается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоятъ: одна поодаль, двѣ другія

Другъ къ дружкѣ близко. Здѣсь, когда ихъ мимо
Я проѣзжалъ верхомъ, при свѣтѣ лунной ночи,
Знакомымъ шумомъ шорохъ ихъ вершинъ
Меня привѣтствовалъ....

Старыхъ сосенъ уже давно нѣтъ, выросло и состарилось „племя молодое“, опустѣло Михайловское, но духъ великаго поэта, кажется, незримо витаетъ надъ этими уголками.

— Не знаешь ли, Алексѣй, въ которомъ мѣстѣ росли три сосны?

— А Богъ ихъ знаетъ,—надо полагать здѣсь, а гдѣ доподлинно—не знаю.

Отдохнувшія лошадки бойко трусили по неровной дорогѣ. Лѣсъ кончился. Мелькнули куполы чистенькихъ церквей. Вотъ и Вороничи.

— А ты знаешь, Алексѣй, гдѣ Акулина Ларіоновна живетъ?

— Разыщемъ—здѣсь, вѣдь, не городъ. Да вотъ, кажется, это ея хата и есть.

Современница А. С. Пушкина.

У ОТКРЫТАГО оконца покосившейся избушки сидитъ древняя старушка.

— Здравствуйте, Акулина Ларіоновна, — привѣтствую я ее.

Акулина Ларіоновна, какъ и Иванъ Павловъ, выглядитъ довольно бодрою, и только слышитъ уже плохо.

— Здравствуйте, Акулина Ларіоновна, — повторяю я, насколько возможно громче. — Я, вотъ, пріѣхалъ повидать васъ.

— Повидать? Ой, родной мой, откуда жъ ты меня знаешь? — недоумѣваетъ старушка.

— Слышалъ я, что вы Александра Сергѣевича Пушкина хорошо знали, такъ вотъ интересно было бы узнать отъ васъ что-нибудь о немъ.

— Какъ не знать, какъ не знать нашего благодѣтеля, — живо отозвалась старушка, — еще бы не знала. Благодѣтель онъ намъ былъ, царство ему небесное....

— Только что же разсказать-то тебѣ, касатикъ, про него, моего благодѣтеля, — начала старушка, когда я усѣлся на крылечкѣ избушки, откуда открывался великолѣпный видъ на рѣку Сороть и зеленѣющіе луга. — Благодѣтелемъ былъ намъ Александръ Сергѣевичъ. А знала я его хорошо, частенько пріѣзжалъ онъ, къ папенькѣ — папенька мой здѣсь священни-

комъ былъ. Любилъ папеньку Александръ Сергѣевичъ, и видѣлись они, почитай, что каждый день. Бывало, какъ папенька день или два къ нему не поѣдетъ, глядишь—и самъ Александръ Сергѣевичъ къ намъ жалуетъ. Очень онъ, говорю, папеньку любилъ и постоянно съ нимъ время короталъ. Вернется, бывало, папенька изъ Михайловскаго, а я и спрашиваю его: „Что вы, папенька, тамъ дѣлаете?“ „А вотъ, молъ, сидимъ,—отвѣчаетъ, смѣясь, папенька,—разговоры разговариваемъ, да смѣемся, только у насъ и дѣла, дочка....“

Въ паркъ Михайловскій тоже никого не допускали, а мнѣ можно было ходить. Ну, и пойду утромъ чуть свѣтъ съ дѣвушкой грибы собирать—грибовъ тамъ бѣлыхъ страсть сколько было, смотримъ, а Александръ Сергѣевичъ уже вставши, идетъ намъ навстрѣчу и окликаетъ: „кто это здѣсь?“—увидитъ меня, улыбается. „А, это ты, поповна. Ну, давай-ка, я помогу вамъ собирать грибы.“ Вотъ и начнетъ онъ ходить по парку, палкой указывать и звать, гдѣ грибовъ больше. Насбираешь полную корзину и станешь просить: „Вы бы, батюшка Александръ Сергѣевичъ, себѣ на фриштикъ грибковъ отобрали. А Александръ Сергѣевичъ улыбается и спрашиваетъ: „васъ сколько собиральщицъ?“—„Да двѣ всего,“—говорю. „Ну, а у меня ихъ двадцать.“ Такъ и уйдетъ, грибковъ не взявши.

Старушка глубоко вздыхаетъ и задумывается.

— Да, благодѣтелемъ нашимъ былъ Александръ Сергѣевичъ, — повторяетъ она снова. — Пріѣхалъ онъ однажды къ намъ, да и говоритъ папенькѣ: „Подарю я тебѣ, отецъ Ларіонъ, семь десятинъ земли.“ Папенька поблагодарилъ, да и говоритъ: „А, вѣдь, нужно въ городъ будетъ поѣхать на бумагѣ закрѣпить это.“ Александръ Сергѣевичъ рукой только махнулъ: „Ничего этого не надо, я самъ все напишу, и никто моего подарка не отниметъ.“ И сейчасъ же самъ тутъ напи-

салъ на бумагѣ, что дарю, молъ, священнику Раевскому семь десятинъ земли въ вѣчное владѣніе. А вотъ, какъ былъ у насъ пожаръ, загорѣлся отъ молоньи домъ, такъ и сгорѣла бумага эта... Много тогда добра погорѣло... Семь картинъ хорошихъ со стеклами... и все... все...

По щекамъ старушки катятся слезы.

— Вотъ, говорилъ Александръ Сергѣевичъ,—продолжаетъ она, всхлипывая,—что никто, молъ, моего подарка не отниметъ, а не стало нашего благодѣтеля, да сгорѣла бумага, такъ и отняли у меня дареную землицу. Хотя бы одну десятинку оставили, на старости лѣтъ, въ утѣху.

И при воспоминаніи объ отнятой землицѣ, подаркѣ Александра Сергѣевича, старушка какъ-то разомъ осунулась, померкла.

Я сталъ прощаться.

— Прощайте, батюшка, прощайте... не обезсудьте меня старуху, и, коли ежели можно, похлопочите насчетъ землицы; можетъ, вернутъ мнѣ хоть десятинку-то...

Лошади тронули. Я оглянулся: старушка стояла на крылечкѣ и, заслонивъ ладонью отъ солнца глаза, смотрѣла намъ вслѣдъ.

Домой.

Я возвращаюсь домой.

Надоѣдливо вьются надъ усталыми лошадками рои слѣпней. Пыль длинною, долго неулегающеюся полосою тянется за телѣгой. Зноемъ дышетъ раскаленный воздухъ.

Мелькаютъ зеленѣющія поля, бурыя полосы вспаханной земли. Вотъ, одинокій великанъ дубъ раскинулъ на просторѣ неба свои могучія вѣтви. Гордо высится онъ надъ однообраз-

ными полями, много десятковъ лѣтъ стоитъ несокрушимо подъ бурями, непогодами и зимними мятелями.

Такимъ же стройнымъ красавцемъ онъ былъ, вѣроятно, и тогда, когда этою дорогою проѣзжалъ Александръ Сергѣевичъ, и, быть можетъ, его величавая красота, гордая и могучая, привлекала не разъ вниманіе поэта, навѣвая вдохновенныя строфы:

...Гляжу ль на дубъ уединенный,—
Я мыслю: патріархъ лѣсовъ
Переживетъ мой вѣкъ забвенный,
Какъ пережилъ онъ вѣкъ отцовъ.

Но вотъ, и почтовая станція Новгородка. Здѣсь я прощаюсь съ Алексѣемъ. Позвякиваютъ колокольчики—запрягаютъ лошадей. Еще нѣсколько минутъ, и я усаживаюсь въ почтовую телѣжку, ямщикъ оправляетъ сбрую, не торопясь, взбирается на козлы, лошади трогаютъ.

Я невольно оглядываюсь назадъ. Мысли возвращаются къ Михайловскому, Тригорскому, могилѣ поэта, древнимъ старичкамъ-современникамъ Пушкина, и тихая грусть закрадывается въ душу: точно покидаешь что-то близкое, родное.

Конецъ.

Государ. публичная
Историческая
библиотека РСФСР
№2 1933

Изданія журнала „ТРОПИНКА“.

Одобрено для ученическихъ библіотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для ученическихъ библіотекъ низшихъ учебныхъ заведеній и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Императрицы Маріи.*

Соловьева П. С. **„Елка“**. Стихи для дѣтей. Съ рисунками. Изданіе 3-е. Цѣна въ обложкѣ 35 к, въ папкѣ 65 к.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущено въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

Одобрено для ученическихъ библіотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для ученическихъ библіотекъ низшихъ учебныхъ заведеній и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи.*

Соловьева П. С. **„Семилѣтка“**. Народныя сказки. Съ рисунками. Изданіе 2-ое. Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ папкѣ 80 к. *Ученымъ Комитетамъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущено* въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ.

Одобрено для ученическихъ библіотекъ младшаго возрата среднихъ учебныхъ заведеній и для ученическихъ библіокекъ низшихъ учебныхъ заведеній и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи.*

Допущено въ ротныя библіотеки кадетскихъ корпусовъ для I и I классовъ.

Соловьева П. С. **„ Свадьба Солнца и Весны“**. Пьеса въ стихахъ. Съ рисунками. Цѣна 20 коп.

Одобрено для ученическихъ библіотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для ученическихъ библіотекъ низшихъ учебныхъ заведеній и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи.*

Допущено въ ротныя библіотеки кадетскихъ корпусовъ для I и II классовъ.

Соловьева П. С. **„Разгадай-ка!“** Сборникъ ребусовъ, шарадъ и загадокъ. Цѣна 25 к.

Соловьева П. С. **„Березкины именины“**. Пьеса въ стихахъ. Съ рисунками. Цѣна 25 к.

Соловьева П. С. **„Чудесная ночь“**. Пьеса въ стихахъ. Цѣна 20 коп.

Соловьева П. С. **„Первое апрѣля“**. Комедія въ одномъ дѣйствіи. Цѣна 10 к.

Соловьева П. С. **„Няня“**. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Цѣна 15 к.

Шапиръ Н. Л. **„Люди и звѣри“**. Съ рисунками. Цѣна 25 коп.

Франсъ Анатоль. **„Пчелка“**. Сказка. Съ рисунками. Изданіе 3-е. Цѣна 25 к.

Одобрено для ученическихъ библіотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для ученическихъ библіотекъ низшихъ учебныхъ заведеній и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи.*

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія *допущено* въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній

Новыя изданія „Тропинки“.

Егоровъ Л. Н. **„Исторія воздухоплаванія“** Съ рисунками. Цѣна 25 к.

Манасеина Н. И. **„Овсянки“**. Пять разсказовъ для дѣтей. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ папкѣ 80 к.

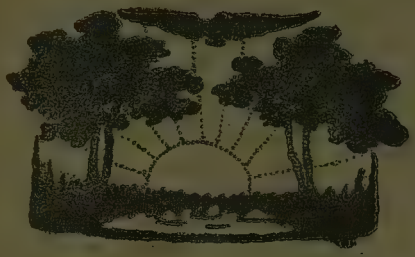
Соловьева П. С. **„Жизнь Хитролиса“**. (Изъ старо-французскаго эпоса). Въ стихахъ. Съ 170-ю рисунками Рабье. Цѣна въ обложкѣ 1 р. 70 к., въ папкѣ 2 р.

Соловьева П. С. **„Царевна Земляничка“**, Пьеса въ стихахъ. Съ рисунками. Цѣна 30 к.

Соловьева П. С. **„Новый годъ“**. Пьеса въ стихахъ. Съ рисунками. Цѣна 20 к.

Шведеръ Е. І. **„Пушкинскіе уголки“**. Съ рисунками Цѣна 20 коп.

Книгоиздательство беретъ на себя почтовые расходы **только въ томъ случаѣ**, если книгъ выписывается не менѣе, чѣмъ на 1 руб.



Цѣна 20 коп.